

Остановиться, оглянуться...

Великая Отечественная война через призму времени

...Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки...

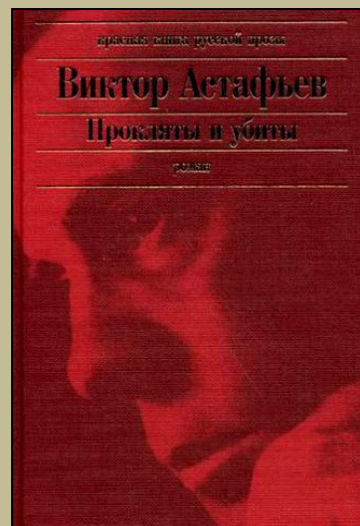
Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколения.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье – не в забвенье!

А. Твардовский

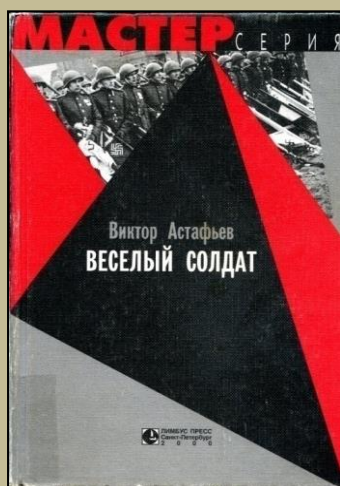
Книги о Великой Отечественной войне – наша сегодняшняя гордость и боль; в них не только уроки прошлого, но и урок на будущее; не только проклятие войне, но и долг, который возлагает на себя каждый из нас, помня о подвиге нашего народа

Виктор Астафьев в комментарии к книге **«Прокляты и убиты» (1995)** писал: *«...писать о войне, о любой – задача сверхсложная, почти неподъемная, но писать о войне прошлой, Отечественной, и вовсе труд невероятный, ибо нигде и никогда ещё в истории человечества такой страшной и кровопролитной войны не было... Давно задумал свой роман, именно свой, и зная, пусть и отдаленно, его материал, направленность, я знал и то отношение к нему, какое он встретит у читателя, воспитанного на совсем другой литературе...».*

Роман В. Астафьева «Прокляты и убиты» – это «взгляд в прошлое»: о событиях Великой Отечественной войны. Роман поражает не только фактами, о которых раньше не принято было говорить, его отличает удивительная даже для Астафьева резкость, страстность, категоричность авторской интонации. Первая часть романа «Чертова яма» повествует о новобранцах, проходящих «обучение» в учебном полку. Солдатский быт напоминает быт тюремный, определяемый страхом голода, наказания и даже расстрела. Роман Астафьева не только поминовение погибших, но и суд над теми, кто сорил солдатской жизнью. Во второй части романа «Плацдарм» воссоздается картина тяжелейших боев при переправе через Днепр и во время обороны Великокриницкого плацдарма. Плацдарм этот не находится на направлении

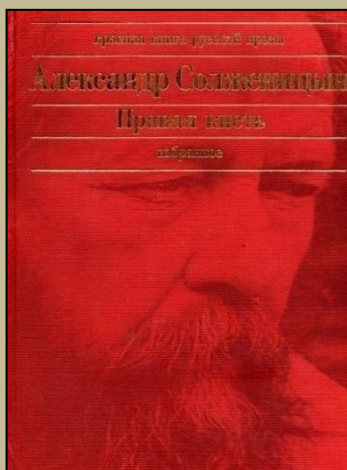
главного удара, он не решает судьбы войны, он «отвлекающий маневр». В течение семи дней небольшие силы должны были, по замыслу командования, отвлекать и изматывать противника. Художник рисует жуткие в своей подлинности и натуралистичности сцены ада на земле. *«Черные работники войны», «сидельцы Великокриницкого плацдарма», изможденные, голодные, «во вшах», покусанные крысами, выходят из зоны, «чувствуя освобождение от гнетущего ожидания гибели, избавление от заброшенности и никудашности».* С *«солдатской линией»* переплетается *«линия партии»*. Весь авторский текст пронизан едкой иронией в изображении политзанятий, образов политработников. Астафьев полностью разрушает сложившиеся в советское время каноны изображения народа на войне. Народ в романе, как и в других произведениях 90-х, не является бессмертным народом-победителем. Автор утверждает, что народ смертен и уничтожим не только фашизмом, но прежде всего своими – той тоталитарной машиной, которая без счета и совести губила русского мужика или ставила его на колени в годы революции, коллективизации и войны. Астафьевская война не генеральская, не полководческая и даже не лейтенантская, а солдатская.

Повесть «Весёлый солдат» (1998) – это история солдата (самого Виктора Астафьева), скитающегося по послевоенным госпиталям и дорогам в поисках места, где можно осесть и свить гнездо. Писатель продолжает тему правды о войне, написанную очевидцем и участником. *«Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне».* Так начинается и заканчивается повесть. *Постепенно герой «забывает» об этом, но на протяжении повествования он вспоминает об убитом то в разговоре с женой, то в своем внутреннем монологе. Призрак убитого фашиста преследует героя в течение всей жизни. Воспоминание об убийстве фашиста – это авторская точка отсчета – источник, причина, смысловой центр горьких мытарств, что переживает на долгой дороге с войны (от войны) «веселый солдат», совершенно неотделимый от автора. Исчезает враждебность, на первый план выходит человеческое: «Бедный, видать, человек был – может, крестьянин... может, рабочий...» – говорит герой об убитом немце. Повесть состоит из двух частей: «Солдат лечится» и «Солдат женится». В первой части воспоминания «веселого солдата» вовсе не веселы и никак не вписываются в хрестоматийные: обворовывание раненых, лихоимства тыла «...Безобразно доставляли раненых с передовой в тыл. Выбыл из строя – никому не нужен, езжай лечись, спасайся как можешь...» Во второй части «Солдат женится» писатель рассказывает какой нелегкой была жизнь людей в российской глубинке в послевоенные годы в постоянной нужде и бедности. Понятие «окопная правда» в повести переросло первоначальное значение – «правда солдата о войне». Для Астафьева «окопная правда» – это правда простого человека, солдата, прошедшего войну рядовым; простым работягой восстанавливающим разрушенное хозяйство и живущего ныне. Герой-рассказчик повести Астафьева старается не унывать, однако поистине ничего веселого в его*

жизни не происходит. Одно из последних произведений писателя – это художественный итог свидетельских показаний о войне. «...Я не был на той войне, что описана в сотнях романов и повестей... К тому, что написано о войне, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно другой войне...». (В. Астафьев).

В 1999 году в журнале «Новый мир» впервые были опубликованы рассказ и повесть, в которых Александр Солженицын вновь вернулся к некоторым частным событиям Отечественной войны.

«Желябугские Выселки» – двучастный рассказ, разделённый 52 годами, имеет автобиографическую основу. В первой части боевые действия и работа артиллерийской звуковой разведки в реальной географической точке. Звукобатарея разворачивает свой расчет в местечке Желябугские Выселки. Солдат батареи объединяет не только молодость, но и общий азарт боевых действий, где есть не только боевое братство и сострадание, но и рядом присутствует малодушие и трусость. Боевые действия происходят в течение нескольких дней. А заканчиваются первая часть на оптимистической ноте: «...А в глубине погреба - темнота, дети спят, бабы тоже располагаются, лиц не

видно. Но слышу по голосу - там батарейный мой политрук. Где примостился - не вижу, а разъяряет певуче, смачно:

– ...Да, товарищи, вот и церковь разрешили. Против Бога советская власть ничего не имеет. Теперь дайте только родину освободить.

Недоверчивый голос: - Неуж и до Берлина дотараните?

– А как же? И там все побъём. И – что немец у нас разрушил, все восстановим. И засверкает наша страна - лучше прежнего. После войны хоро-ошая жизнь начнется, товарищи колхозники, какой мы еще и не видели...»

Во второй части – встречи и события при посещении автором в 1995 году мест боев 43-го. «....И вот через 52 года, в мае 1995, пригласили меня в Орел на празднование 50-летия Победы. Так посчастливилось нам с Витей Овсянниковым, теперь подполковником в отставке, снова пройти и проехать по путям тогдашнего наступления...

....Волнуюсь:

- А ведь мы вас - освобождали. Я вас даже помню. Вот там, внизу, погреб был, вы прятались. А глаза ее - уже в старческом туманце:

- Много вас тут проходило.

Я теряюсь. Странно хочется передать ей что-то же радостное от того времени, хотя что там радостное? только что молодость. Бессмысленно повторяю:

- Помню вас, Искитея Афанасьевна, помню.

Изборожденное лицо ее - в солнышке, в разговоре старчески теплое. И голос:

- А я - и чего надо, забываю.

Воздохнула.

В темном платке – та погорше:

– А мы – никому не нужны. Нам бы вот – хлебушка прикупить.

Тишина. Чирикают птички в березах. Доброе мягкое солнце...»

Писателя поразила пустота и заброшенность здешних мест, одинокие и никому ненужные старухи доживающие свой век. Прошло 50 лет после войны...

«**Адлинг Швенкиттен**» односуточная повесть памяти майоров Павла Афанасьевича Боева и Владимира Кондратьевича Балуюева. Мы мало знаем о финальной части Победы. Действие уместается в одни сутки и описывает реальные боевые события в январскую ночь 1945 года в Восточной Пруссии, участником которых был автор.

«...Уже пять дней нашего движения по горячей Пруссии - не было недостатка в праздниках. ...И двигались по Пруссии в каком-то полухмельном оживлении, как бы с потерей точности в движениях и мыслях. Ну, после стольких-то лет военных жертв и лишений – когда-то же чуть-чуть и распуститься... Это чувство заслуженной льготы...охватывало всех, и до высоких командиров. А бойцов – того сильнее...».

«...Для кого война началась в 41м, а для Боева – еще с Хасана, в 38м. Потом и на финской. Так и потянулось сплошной войной вот уже седьмой год.

Война – как просто работа, без выходных, без отпусков, глаза – в стереотрубу. Дивизион – семья, офицеры – братья, солдаты – сынки, и каждый свое сокровище. Привык к постоянной передрыге быта, переменчивости счастья, уже никакой поворот событий не мог ни удивить, ни напугать. Нацело - забыл бояться. И если можно было напроситься на лишнюю задачу или задачу поопаснее - всегда шел. И под самой жестокой бомбежкой и под густым обстрелом Боев не к смерти готовился, а только – как операцию заданную осмыслить и исполнить получше...».

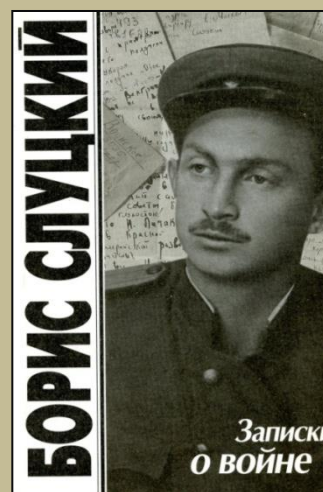
И такой солдат, как Павел Афанасьевич Боев погибает с двумя батареями, выполняя поспешные и опрометчивые действия начальников артиллерии. Гибнут у небольшой прусской деревушки Адлинг Швенкиттен. Это о них официальные сводки Информбюро потом сообщат как о «незначительных потерях в боях местного значения» и представят к посмертным наградам. Александр Солженицын не скрывает горечи утраты истинных героев войны, особенно когда чувствуется дыхание Победы...

Повесть Даниила Гранина «Мой лейтенант» (2011) состоит из отдельных зарисовок о начале войны, блокаде и обороне Ленинграда и послевоенных годах. Взгляд автора-фронтовика, одного из почти целиком ушедшего поколения – беспристрастный, честный, откровенный. Д. Гранин в этой повести размышляет о том, что же давало людям силу пережить такие беды, каких не знала история. Блокадная драма, которую он пережил в Ленинграде складывалась в самые трудные военные месяцы – из героизма,

подвижничества и мученичества. Герой повести – лейтенант Д. – молодой человек, брошенный в августе 1941-го в окопы под Ленинград и просидевший там в течение всего самого тяжелого периода войны. Писатель приводит своего героя и в блокадный город, он показывает вымершие улицы, лютую стужу, в которой люди передвигаются, как тени самих себя. Эта война не парадная, говорит Д. Гранин, она пахнет мочой, потом, кровью. Но это и есть настоящая война. Писатель с тоской и невольной грустью всматривается в этого лейтенанта Д., героя его повести. Это и он сам, в первую очередь, и какая-то его проекция на жизнь. Вопросы метания, непонимание лейтенанта Д. переплетаются с мыслями уже зрелого человека, который хладнокровнее пытается оценить то время, найти ответы на те вопросы, которые мучают лейтенанта. На фоне тягот, ужасов и неприглядности войны автор дает возможность выговориться простому лейтенанту, одному из тех, кому мы обязаны своей победой. *«Вы пишете про себя? – Что вы, этого человека уже давно нет»* – это эпиграф к роману, автор которого сам знает, что такое война. Кем на самом деле приходится друг другу автор книги и лейтенант Д. понять несложно. Герой романа – молодой, импульсивный, дерзкий, романтический, а второй – мудрый, знающий цену жизни и научившийся противостоять обстоятельствам. И у каждого из них – своя правда. **«Мой лейтенант»** Даниила Гранина это взгляд на Великую Отечественную войну не с точки зрения генералов и маршалов и их многочисленных мемуаров, а изнутри, из траншеи и окопов.

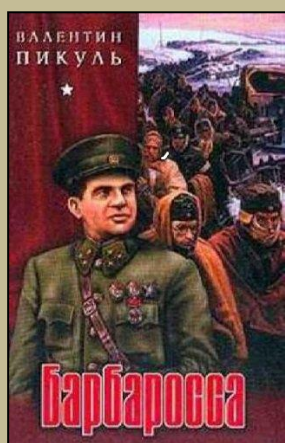
Борис Слуцкий «Записки о войне» (2000). Рукопись «Записки о войне», написанная сразу после войны пролежала в столе Бориса Слуцкого в ожидании публикации более 55 лет. «Записки» написаны в жанре документальной прозы и отличаются от всего, что написано о войне, они не обличают, но нет в них и похвалы победителя. Спокойно, чуть иронично, свидетельствует он о том, как мы входили в Европу, что там творили хорошего и плохого. Слуцкий создает беспощадные портреты и побежденных и победителей. Неумолимый летописец Великой Отечественной, казалось бы, победоносной, но, увы, на самом-же деле испещренной не просто ошибками, а типичными грехами, неоправданными потерями, генеральскими амбициями, бесчеловечностью. С какой-то отстраненной мудростью изображает он, чем кончаются войны. Как они портят человека, и как они возвышают его. Дании Гранин в статье «Вкус Победы» написал «...Ничто, никакие литературные совершенства не могут заменить свежесть восприятия тех лет, его «Записки» ещё пахнут порохом, пылью дорог, солдатским потом, в них слышен лязг танковых гусениц, от них веет лихостью и страхом погибнуть перед днем Победы...». Проза Бориса Слуцкого лаконична и точна. Она обращена к нам, современным читателям.

«Дороги пришедших с войны» Григория Бакланова (2005) – это книга воспоминаний о Великой Отечественной войне, на которую он ушел восемнадцатилетним пареньком и вернулся с войны лейтенантом. Григорий Бакланов один из наиболее ярких и известных представителей обширной плеяды прозаиков фронтового поколения, представитель так называемой «лейтенантской прозы», в чьих художественных произведениях утверждалась правда о Великой Отечественной войне. В своей автобиографии Григорий

Бакланов как-то написал: *«Когда я вернулся домой с фронта, мне был 21 год. Я вернулся с войны с твердым убеждением в том, что главное в моей жизни уже сделано. Тогда мне было на редкость легко. Мне не хотелось делать никакой карьеры, мне было абсолютно безразлично, что будет со мной дальше. Я был твердо убежден: главное дело всей моей жизни уже сделано».* Первая часть книги Г. Бакланова названа **«Жизнь, подаренная дважды»**. *«...Когда большая часть жизни прожита и многое пережито, а неведомое будущее стало прошедшим и в нем – те, кого ты знал, «минувшее проходит предо мною. Не обязательно оттого, что художественный талант иссяк, но поредел тот лес, который ещё недавно был густым, и для новых поколений стало историей то, что все ещё часть твоей жизни. И, странное дело, когда отсюда, из дней нынешних, смотришь в прошлое, открывается в нём столько неведомого, о чем в ту пору и помыслить не могли. Осмыслить тем более...».* Эта книга о времени, в котором довелось жить, пройдя через испытания, о прошлом, настоящем и будущем.

«Барбаросса» (1991) – такое название дал Валентин Пикуль первому тому незавершенной дилогии **«Площадь павших борцов»**, книге о войне, о Сталинграде. Написать второй том автор не успел. Валентин Пикуль честно признавался, что не считает себя вправе приглашать читателей в «окопы Сталинграда», ибо сам в них не бывал. Но как сын героя Сталинграда, как писатель-историк и участник войны (соловецкий юнга) он не мог пройти мимо грандиозных событий на великой русской реке. О Сталинградской эпопее написано много – монографии историков и мемуары фронтовиков, к которым приходилось обращаться писателю, его интересовали

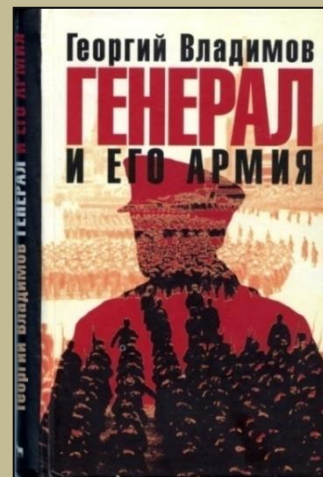
стратегические планы и запутанная атмосфера политических настроений и интриг. Он использовал более 500 историко-архивных источников, монографий, воспоминаний отечественных и зарубежных очевидцев. В повествовании нашли отражение малоизвестные и неизвестные читателю события и документы, сыгравшие важную роль в историческом сражении на Волге. Валентин Пикуль роман-размышление «Барбаросса» посвятил памяти отца, погибшего в дни Сталинградской битвы.

Ушли писатели, которые знали, каково было в 1940-х и какие смыслы они вкладывали в тексты, написанные по живой памяти. Но и они подвергались критике в искажении и в отступлении от исторической правды. Последующие произведения современных писателей на военную тему представляют собой или попытки реконструкции, или вольные фантазии, иногда уводящие очень далеко от исторической тематики.

Георгий Николаевич Владимов сам не принадлежал к поколению фронтовиков, но война осталась в его памяти навсегда. Тематика войны непростая, впервые Владимов обратился к ней в начале 60-х годов, написав небольшой рассказ «Генерал и его армия», посвященный командарму П. В. Севостьянову. И более чем через 30 лет писатель вернулся к этой теме представив читателям роман с таким же названием. Со слов писателя прототипом генерала Кобрисова стал командующий 38-й армией Никандр Евлампиевич Чибисов. Эта книга о войне, но как любая современная книга она, конечно же, затрагивает и вопросы политики. Главный герой романа «Генерал и его армия» (впервые опубликован в журнале «Знамя», 1994, №№4-5)

– генерал Кобрисов, кадровый военный. Главная фигура романа – он сам, его внутренние переживания. За кого он воюет? Кто на самом деле предатели? Генерал Власов – герой или очередной преданный своей страной, которая бросила его на безнадежное дело? Неслучайно книгу обвиняли в излишнем поклонении Власову, хотя автор просто задал безответный вопрос в никуда. А дальше думайте сами... Кобрисов видит, как куется Великая победа. Исторический факт – под Киевом погибло 500 тысяч наших солдат! Большая часть на том самом, ошибочном плацдарме! В армии царят интриги, борьба за влияние, славу. Монетой же оказываются жизни тысяч. Кобрисов участвовать в этом отказывается, за что его деликатно и отстраняют и чуть ли не убивают при попытке вернуться («...на Киев и будь что будет!...»). Так кто же герой? Тот, кто будет живописно рассказывать в своих мемуарах о подвигах, бряцая медалями и орденами или же совестливый генерал, который так устал убивать своих и просто не хочет ни о чем говорить, горя этими воспоминаниями? В Советском Союзе сложился культ войны, хорошие и плохие были четко определены. «Генерал и его армия» – книга, написанная с поправкой на время.

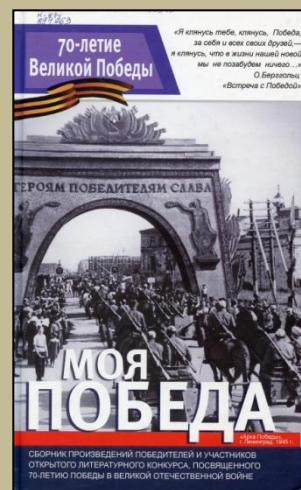
О произведении **Ильи Бояшова «Танкист или Белый тигр» (2008)** можно сказать как о современной военной прозе с элементами фэнтези. Молодой писатель, историк взял у фэнтези лучшее – детально сконструировал иную реальность. Именно более чем полувековая дистанция Второй мировой войны стала для автора благодатным материалом для воссоздания нереального действия. Потери в танковых дивизиях с обеих сторон исчисляются десятками подбитых машин и сотнями погибших солдат. Из сгоревшего танка вываливается боец с девяностопроцентным ожогом.

Человек-головешка каким-то чудом продолжает дышать, наращивает кое-какую кожу – в общем, выживает, но трогается умом. Теперь его зовут Иван Иванович Найденов, в просторечии – Ванька-Смерть. Танкист дышит мстью, и единственное, что сохранила его выжженная память, – имя врага: «Белый тигр», адская машина, танк-Призрак, который щелкает наших, как орехи, а сам неуязвим. Ванька тоже после своего второго рождения обрел ряд магических свойств и понимает язык танков, но все эти обстоятельства воспринимаются читателями вполне буднично: порождение ада или «торжество немецкого гения» этот «Белый тигр» как сопутствующие линии сюжета. Не менее интересны для читателя техническая сторона – толщина брони, объем двигателя и цейсовский телескопический прицел. Гонке противников через весь фронт, сопутствует гонка вооружений, причем если судьбы людей особыми зигзагами не блещут, то жизнь железа завораживает своим многообразием. Наши бойцы в «Танкисте» – далеко не ангелы: пьяницы, насильники и мародеры – в общем, люди как люди. Не лучше и не хуже немцев. Солдаты обречены воевать и выживать в особом азарте сопричастности к общему делу.

Жанр фэнтези, на примере «Танкист, или Белый тигр» заменил собой с одной стороны военную прозу, с другой – научную фантастику, где автор представил свой взгляд на Великую

«Моя Победа» так называется сборник произведений победителей и участников открытого литературного конкурса, проведенный в рамках проекта «Неизвестный Петербург». Этот конкурс вызвал небывалый резонанс. На него поступило более двух с половиной тысяч рассказов, очерков, стихотворений, воспоминаний, посвященных событиям, связанным с Великой Отечественной войной и блокадой Ленинграда. В литературном состязании приняли участие петербуржцы самых разных возрастов и профессий. Лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» стал лейтмотивом всех присланных произведений. В разделе «Юные о войне» истории семей переживших блокаду написаны молодыми людьми со слов старшего поколения, они поражают своей искренностью. Предлагаем вашему вниманию один из рассказов Валентины Шуршиковой «Янтарные бусы»

«Зима 1942 года осталась у меня в памяти как самый холодный, голодный и страшный год. Мизерные дозы хлеба практически было не выкупить. Холод и длинные очереди сковывали людей. Мне было четырнадцать, а двоюродному брату – двенадцать лет. Жили мы, несколько семей, в коммуналке многоэтажного дома на Финском проспекте, где теперь находится гостиница «Санкт-Петербург». На первом этаже была булочная. Нашей с братом обязанностью было отоварить хлебные карточки на всю семью. Дни стояли холодные, мороз доходил до 40 градусов. У нас были одни валенки на двоих, в них мы с братом поочередно ходили дежурить в хлебной очереди.

Когда привозили хлеб, очередь приближалась к двери магазина. Мы с братом, крепко зажав карточки и держась друг за друга, старались не быть вытесненными из очереди, это был конец месяца, 22 января.

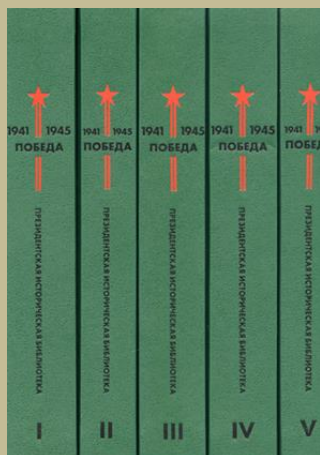
Вдруг я услышала голос женщины, которую за фалды вытаскивали из очереди. Голос показался до боли знакомым – такой удивительный голос был только у Лидии Акимовны, которая в детском санатории города Пушкина вела драматический кружок. Я подошла поближе, но ее не узнала, она совсем на себя не была похожа. Но она меня узнала: «Это ты, Валечка?» Рыдая, рассказала, что у нее умер сынишка, которого надо похоронить, так как на следующий день она уезжает на Большую землю, а похоронить без хлеба невозможно. Она отдала мне три своих хлебных карточки и, сказав, что живет рядом, на Астраханской улице, д. 17, кв. 17, побежала к рабочим решать похоронные дела.

До войны Лидия Акимовна была очень красивой, обладала удивительно звучным голосом, на груди носила красивые янтарные бусы ... Она была уверена, что мы с братом выкупим хлеб – мы стояли недалеко от входа. Но когда мы вошли в магазин, то за пять человек до нас хлеб закончился. Идти за хлебом больше некуда. С работы вернулась мам, удивилась – почему дочка в слезах, я рассказала все как есть, после чего мы обе оделись и пошли искать хлеб. Везде отвечали: нет и не будет. Так мы дошли до улицы Комсомола. В булочной напротив дома №4, где размещался госпиталь, стояли люди, человек двадцать, которые объяснили, что обещали привезти вместо хлеба муку. Мы решили с мамой ждать. ...И свершилось чудо – привезли муку, которая была белее снега, душистая, пушистая, как из сказки. Мама отоварила карточки на нашу семью, а я – на Лидию Акимовну, и мы отправились в обратный путь, держа в руках по маленькому пакетику муки.

А дальше было так трудно подниматься по темной лестнице. Но вот, наконец, я стою в комнате. На столе лежит мертвый малыш, а второй, живой греется на кухонной плите. Лидия Акимовна достает из ящика свои янтарные бусы и подает мне. Я в слезах отказываюсь их брать, а она мне говорит: «У меня никогда уже не будет дочери, пусть эти бусы останутся тебе в память о самом страшном дне нашей жизни в блокадном Ленинграде»

Потом эти бусы всегда были на мне. За них предлагали хлеб, сахар, масло, но они остались неприкосновенным, бесценным талисманом из жизни блокадного Ленинграда».

«Я клянусь тебе, клянусь, Победа, / за себя и всех своих друзей, – / Я клянусь, что в жизни нашей новой мы не позабудем ничего...» (О. Берггольц «Встреча с Победой»).

К 75-летию Великой Победы Российское историческое общество подготовило и издало серию книг в 5-ти томах, куда вошли произведения, созданные советскими писателями, поэтами и драматургами в годы войны. В предисловии к этому изданию президент России В. Путин писал: «Уверен, это издание внесет свою лепту в сбережение нашей исторической, национальной памяти, будет интересно самому широкому кругу читателей..., всем, кто любит отечественную литературу и гордится историей нашей страны».